

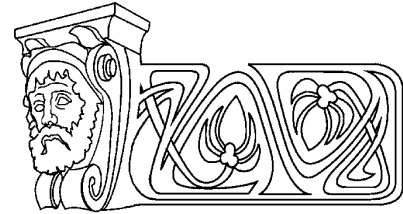

УДК 130.2

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ РАЗУМА И ПРЕДМЕТНОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Л.Г. Пугачева

Российская академия государственной службы при Президенте РФ
E-mail: lgrugacheva@yandex.ru

Работа посвящена философскому анализу феномена «граница». Автор ставит вопрос о границе как чистом бессодержательном символе, выражающем сущностный смысл символического. Граница рассматривается в качестве базовой абстракции – источника формирования рефлексии как когнитивного и эпистемологического инструмента и основания множественности (восприятия многообразия материального мира). В связи с произведенным анализом дается определение разума как сущности «живого», благодаря способности к различению границ обретающего возможность индивидуализации в конкретном теле (единичном организме).

Ключевые слова: абстрактное, бытие, граница, разум, знание, эпистемологический хаос, тело, порядок.

The Limit Phenomenon as a Base of the Mind Intentionality and the Objective Reality Perception

L.G. Pugacheva

Our work is dedicated to the philosophical analysis of the "limit" phenomenon. The author considers the "limit" as a clear symbol devoid of content, which expresses the essential sense of the Symbolic. The "limit" is viewed as a base abstraction – the source of reflection of the cognitive and epistemological instrument and the basis of plurality (the perception of the material world variety). As a result of the analysis made on this subject, the author gives the definition of the mind as the essence of life assuming the possibility of individualization in the concrete body (in a single organism) due to the capability to distinguish limits.

Key words: Abstract, being, border, mind, knowledge, epistemological chaos, body, order.

Представление о «границе» присутствует в сфере внимания философии со времен Древней Греции. Но еще до формирования Анаксимандром представления об апейроне как божественном и одновременно материальном *αρχή* мира, до того как платоно-пифагорейская традиция стала использовать оппозицию «беспредельное – предел», в ранних мифологических картинах мира (Веды, школа орфиков и т.д.) «беспредельное» исполняло роль значимого космогонического принципа¹. Идея границы и ее отсутствия фундаментализировала самые первые онтологические опыты философской мысли.

«Граница» и «предел» прочно входят в область интересов современных исследователей, существует множество подходов: от математического до постмодернистского. Осмысление феномена границы играет важную роль в постмодернизме, например: «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» (М. Фуко), «преодоление непреодолимого предела», «опыт-предел» (М. Бланшо), «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» (Ж. Батай). Кроме того, представления о «границе» связаны с ключевыми темами современной философской и научной мысли: темами небытия², ничто, смерти, бесконечности, конечности человеческого бытия, а также системы, порядка, хаоса, нелинейности, синергетики и многих других.

Описывая реальность, разум сталкивается с феноменом «границы» на всех абстрактно-логических уровнях описания: от границы «города» и «леса», столь значимой в средневековом мире, до «предела» как математического и философского принципа современной науки.

Вопрос о существовании границы и понятие об «Абстрактном» как области ее феноменального проявления. В качестве феномена ментальной сферы граница есть «восприятие восприятия», то есть фиксация направленности «безграничного» или «небытия» (в смысле первоначального эпистемологического хаоса) на самое себя. По сути, граница есть фиксация движения или остановка. Восприятие восприятия и есть остановка. Граница – результат чисто абстрактного действия, поскольку осознание (восприятие восприятия) никак не выражено в материально-

предметном мире. Отсутствие как способ ее присутствия делает границу основой любой дифференциации, по сути, многообразия мировосприятия. Можно сказать, что понятие границы отражает сущность абстрактного мышления как мышления в символах, основой которого является речь.

Граница как феномен никак в материальном мире не выражена: ее существование парадоксально – граница это то, чего нет. Очевидное наблюдение: граница – это то, что не существует, но при этом это то, чем человек и все живое, безусловно, пользуется. *Граница – это «бытие небытия» в нашем материальном мире реальных объектов.* В самом деле, граница моря и суши со стороны моря – это море, со стороны суши – суша; граница тишины и звука до момента тишины – это звук, после того, как звук замер, – это тишина; граница дождя и засухи, вечера и ночи, вчера и сегодня и т.д. Какое бы явление мы ни рассматривали, такого материально выраженного феномена как граница не существует. То же касается феноменов нематериальных – граница любви и ненависти, сознания и бессознательного, воли и безволия, верности и предательства, системы и среды, элемента и системы. Мы можем описывать эти нематериальные «сущности», но мы ничего не сможем сказать о границе между ними.

Значит, можно сделать вывод о том, что мы столкнулись с ментальным образованием, чье логическое содержание – это чистое отрицание или «бытие небытия», присутствие, чьей формой является отсутствие. Форма выражения этого понятия – символ, не имеющий природных, материальных или иных «позитивных», содержательных соответствий, и, следовательно, основа символизации как таковой.

Граница – это то, что невозможно себе представить или найти соответствие в природном материальном мире в силу отсутствия материальной выраженности содержания хоть в какой бы то ни было малой степени. Это отличает понятие «границы» от любых других интеллигибельных понятий – воли, свободы, любви, Бога как творца сущего... Все они так или иначе, хотя бы по аналогии,

метафорически, содержательно-позитивно представлены в опыте человека. Даже бесконечность можно представить, созерцая окружность: нечто без начала и конца. Но «граница» как присутствие «отсутствия» стоит особняком. Легко представить обратное – отсутствие присутствия (путем исчезновения чего-либо). Но «Пустота» как таковая не воспринимается (там нет того, что заполняет восприятие): вместо границы суши мы всегда будем воспринимать море, вместо границы дозволенного – недозволенное и т.д.

Граница – это чистый бессодержательный символ, выражающий существование символического как такового. Символический, знаковый аспект разума может быть определен указанием на феномен границы. Бессодержательный символ границы не имеет внешней выраженности, он матрица «символического». Его графическим аналогом должно быть «невидимое» – граница как отсутствие присутствия. Именно «отсутствие» как выражение «различающей активности» восприятия выступает принципом творения сущего и эпистемологическим инструментом разума индивида. В самом деле, что делает разум индивида, как не решает, полагаясь только на самого себя, что ему полезно, а что нет, с чем он будет иметь дело, а с чем нет? В этом практическом слое реальности предельная абстракция, для которой нет адекватной формы, поскольку ее содержание составляет «невоплощенность», оборачивается буднично проявляющейся свободой воли живого существа, нацеленного на выживание.

Граница – это форма форм, руководящий принцип творения многообразия восприятия. Она служит инструментом восприятия и соответствует «фиксации» как позиции восприятия. Второй инструмент восприятия – отсутствие границы, или непрерывность, бесконечность, соответствует «движению» как позиции восприятия.

Таким образом, *граница – базовая абстракция, основа рефлексии как когнитивного и эпистемологического инструмента. И одновременно – основание множественности восприятия – многообразия предметов, процессов, явлений материального мира.* Но понимание границы как базовой абстракции

самоописания разума невозможно без другой базовой абстракции, относительно которой определяется «граница», – «безграничного». Безграничное, бесконечное, неопределенное как условие проявления границы выражает наиболее абстрактное отношение разума к реальности, поскольку, по сути, является даже не самим отношением, которое проводит границу, а только условием его возможности, как это понимает разум. *Безграничное*, таким образом, это *первая характеристика разумом возможности проявления самого себя: тотальное отсутствие всякого содержания или «Абстрактное» как таковое*. Поскольку о мире за своими пределами разум ничего сказать не может, мы будем выражать эту *невозможность содержательного определения как трансцендентальный логический уровень разума – Абстрактное*.

Абстрактное – это эпистемологическая неопределенность, неструктурированность за границами разума. Она возникает в тот момент, когда разум выражает сомнение в том, что его представление о реальности есть сама реальность, когда он переходит от естественной установки сознания к трансцендентальной. Этот вариант феноменологического сомнения отличается от радикального сомнения Р. Декарта, прежде всего, своей целью. Декарт стремился найти абсолютные основания знания – то, в чем уже сомневаться невозможно. Мы же *не ищем онтологических оснований разума, которые могут быть дискурсивно выражены, поскольку понимаем сомнение как наиболее эффективную установку сознания по отношению к реальности, позволяющую разуму сохранять подвижность, то есть возможность существовать и эволюционировать*. Подходя строго, мы не можем назвать предельным основанием разума ни феноменологически понимаемое сознание, ни трансцендентальное «я», ни интенциональность, ни бытие, ни тело индивида. Сомнение позволяет продолжать поддерживать аутопозис индивида, а не быть фиксированным на какой-то одной идее в ущерб аутопозитической задаче живого организма: меняться вместе с текучей реальностью настоящего момента.

Рассуждая таким образом, мы должны определить *разум как способность к проведению границ в Абстрактном*, при этом сама способность не тождественна никакой конкретной теоретической границе. Это значит, в частности, что, *являясь условием выразимости, сам разум – дискурсивно-теоретически невыразим и принадлежит уровню невыразимого порядка³, где бытие и знание еще не дифференцированы*.

Разум, который осознает отсутствие дифференциации и не находит для себя никакой опоры – ни в объективном существовании чего-то определенного, ни в структуре знания о существовании, осознает только феномен тотального отсутствия опоры вне себя, – это мы называем феноменологически понимаемым «небытием», или первичным, «эпистемологическим хаосом», перед которым разум оказывается в акте индивидуации. В этом смысле «небытие» (как отсутствие феноменологически обнаруживаемого присутствия чего-либо), «Абстрактное» (как отсутствие какого-либо содержания, которое могло бы быть дискурсивно выражено, отсутствие сущего), «эпистемологический хаос» (как отсутствие метода взаимодействия с этим невыразимым абстрактно-логическим уровнем восприятия) тождественны. *Разум как позиция, конституирующая сущность «человека», принадлежит уровню эпистемологического хаоса – Абстрактному как потенциальному источнику любой упорядоченности*. Исторически разум, познавая собственные границы, предлагает многочисленные теоретические конструкции своего образа как отправные точки полного осознания своей бесконечной невыразимой природы.

Граница как матрица символического – это естественная позиция восприятия, которая делает эпистемологический хаос, «ничто» чем-то, буквально переводит небытие в бытие, «ex nihil». Как остроумно и точно заметил Бейтсон, «в мире разума ничто (т.е. то, чего нет) может быть причиной»⁴, в данном случае – причиной существования многообразия мировосприятия. Но поскольку ни одна граница не имеет, в силу того, что все они – установления разума исключительно ментального характера – независимого «реаль-

ного» существования, а только относительное, многообразие мировосприятия также имеет относительный характер. Оно, в этом смысле, может быть расценено как буддистский и вишнуистский мир майи – иллюзии.

Из такого понимания разума возможны самые интересные выводы. Во-первых, можно дать ответ на вопрос где, в чем и как разум проводит границы? Поскольку до его деятельности никаких границ нет, восприятие находится в первичном состоянии неразличения, о котором нельзя мыслить, нечего сказать, по поводу чего нечего чувствовать и не на что реагировать, так как все эти функции сознания (в широком смысле) уже предполагают наличие «границ» – в состоянии первичного (эпистемологического) небытия.

Разум проводит границу в первичном небытии и тем самым создает Креатуру в Плероме, если воспользоваться юнгианскими терминами, или создает «объективную реальность» в Абстрактном. Граница как присутствие отсутствия возникает в плероматическом Абстрактном – небытии сущего. Таким образом, воспринимаемый мир является результатом отношения первичного небытия к самому себе: небытие, отнесенное к небытию, если оно осознанно, есть феномен границы – чистой фиксации отсутствия или, в терминах феноменологии восприятия, которую мы развиваем, непрерывности, континуальности разума к ней же самой (так возникает первый «знак» и знаковое – предикативное – измерение реальности).

Вводя представление об отношении Абстрактного (небытия) к самому себе как феномене разума – границе – и первичном акте самоорганизации реальности, мы вынуждены пойти дальше и поставить вопрос о причинах этого первичного отношения, что естественно, пока мы находимся внутри причинно-следственной логики. Ведь методологически рассуждение о причинах и следствиях опирается на идею первопричины. Радикальный конструктивизм (в идеях кругообразности и самореферентности познания), постмодернизм (в идее ризомы), кибернетическая эпистемология (в идее обратных связей как условия онтологической коммуникации инди-

видов), используя логику причин и следствий, предлагают отбросить вопрос о первопричине, замкнув «начало» и «конец» интерпретации «друг на друга» по образцу мифологического Уробороса. Рассматривая эпистемологическое решение проблемы первоначала указанных философских направлений как преддверие формирования понимания нетеоретической позиции разума, мы все-таки хотим обозначить момент вступления в замкнутый круг «жизнь – познание – реальность» индивидуального разума, не касаясь причин самой индивидуации (считаем, что это – тема отдельного исследования).

Отношение небытия (как потенции многообразия бытия и познания) к самому себе есть онтологическая интерпретация эпистемологического понимаемого процесса индивидуации разума, который, в свою очередь, на языке концепции аутопоэзиса, не признающей дискурсивной онтологии, может быть обозначен как феномен отдельного организма – атома жизни. Жизнь индивида как воплощенного телесного существа является тем условием, которое может быть в феноменологическом анализе описано как интенциональность разума. Речь, в данном случае, идет не об интенциональности сознания как направленности его на предмет, а об интенциональности разума (различающей способности человека), ее направленности на абстрактную цель – жизнь индивида. Интенциональность разума проявляется как феномен индивидуального осознания, процессуально понимаемой способности живого телесно-ментального единства удерживать абстрактное намерение – быть самим собой, аутопоэтической системой. Вне условия индивидуальной, телесной жизни разум не имеет направленности, «разум вообще» не может породить ничего нового, потому что нет причин для его движения, он не имеет интереса познавать, потому что не осознает ценность жизни. Именно телесное измерение разума – осознание – обеспечивает интенциональность разума.

Осознание необходимо определить как экзистенциальную форму разума, проявление его телесного модуса или разума в аспекте индивидуации. В этом смысле осознание не

может быть коллективным, в отличие от сознания, которое всегда может сослаться на дискурсивную интерпретацию по поводу предмета сознания. Осознание отличается от самосознания тем, что не имеет обязательного дискурсивного выражения. Осознание – индивидуальный, телесный феномен, проявляющийся только в режиме «здесь-и-сейчас», предназначенный для «внутреннего когнитивного пользования» индивида.

До того как вступает в действие дискурсивная функция разума, интенциональность тела в актах индивидуального осознания проводит первые границы восприятия: с чем-то отождествляясь и что-то отвергая в процессе аутопоэзиса (еду, тепло и т.д.). Таким допредикативным телесным образом разум конструирует материально-вещественно воспринимаемый мир, который впоследствии речь интерпретирует как предметный.

Во-вторых, есть и другой вопрос: если разум – это способность проводить границы, ни одна из которых, таким образом, не является абсолютной, то почему результат деятельности разума – объективная реальность обладает явным образом совершенно незыблемой и независимой от усилий познания властью над человеком, по крайней мере, над человеческим телом? Тело подчинено материальному миру, а весь материальный мир подчинен объективным законам, например, возникновения и разрушения. Возможно, вопрос нужно поставить иначе – зачем разуму проводить границы таким образом, что он сам становится пленником той структуры, которая возникает? В конечном счете, вопрос трансформируется в следующий – зачем разуму быть ограниченным? Вероятно, это и есть ключевой вопрос, ответ на который сможет радикально изменить современную эпистему и действительно продвинет разум на пути эволюции.

Очевидно, разум современного человека в его знаково-цифровом, дискурсивном аспекте уже находит себя «втянутым» в некое отношение к абстрактному, которое порождает позицию восприятия «тело – окружающий материальный мир». В этом смысле, *тело – это позиция разума, когда он представлен самому себе в качестве отчужденного*

восприятия целостного комплекса определенного рода ограничений, которые сам воспринимает как объективный (биологический) аспект жизни. Ответить на вопрос, зачем разуму ограничивать себя, означает установить, ради какой абстрактной цели необходимо «биологическое тело» (как объективная манифестация разума), поскольку «тело» как объективация разума подчиняет его законам материального мира.

Очевидным ответом будет являться – *биологическое продолжение рода. Тело обеспечивает разуму бесконечное продление во времени* путем рождения все новых поколений: множества индивидуальных разумов. Но ответить на этот вопрос также означает понять, какие предельные возможности таит в себе «тело». В современном познании довольно часто можно встретить вопросы о том, насколько процентов мозг использует свои возможности в повседневной деятельности, аналогичный вопрос необходимо задать в отношении тела: насколько мы используем эпистемологические возможности тела? С точки зрения задачи познания, тело – это орган восприятия, поэтому предельный вопрос должен звучать так: каковы действительные возможности восприятия тела? Ответить на него, очевидно, можно только практическим путем, используя эти возможности в познании.

В силу того, что тело является фундаментальной манифестацией разума, он не может быть свободен до тех пор, пока не откроет в «теле» самого себя, не научится на практике осознавать «тело» в качестве своего собственного способа относиться к Абстрактному, порождая мир Креатуры.

Тело интересно разуму тем, что ключевой характеристикой тела является его конечность, смерть как абсолютная граница. Поскольку тело является манифестацией разума в воплощенном мире, мире границ, отделяющих живых существ от неживого вещества и друг от друга, можно утверждать, вслед за Гр. Бейтсоном, что *разум – это сущность живого.* Если бы не разум с его способностью проводить границы – между телом и средой, между опасностью и ресурсом для жизни, между жизнью и смертью – жи-

вой организм не мог бы поддерживать жизнь – его восприятие как основа Креатуры просто бы не работало.

Поэтому один из ответов на вопрос «зачем разуму быть ограниченным», в рамках концепции аутопоэзиса звучит так – затем, чтобы поддерживать аутопоэзис как избирательное и целесообразное поведение живого организма в окружающей среде. Безграничный разум просто не смог бы коммуницировать с реальностью и получать ресурс для жизни тела – у безграничного разума с ней просто бы не было точек соприкосновения.

Разум – это сущность живого не потому, что это его действительно окончательное определение. Но когда-то разум выбрал этот способ отношения к Абстрактному, и теперь он – пленник своей отчужденной половины – физического тела. Поскольку это так, ключевой задачей разума является выживание этого физического тела.

Примечания

¹ Румянцева Т.Г. «Апейрон» // История философии: Энцикл. Минск, 2002. С.50.

² Среди отечественных разработок этой темы наиболее интересная, на наш взгляд, см.: Ососков А.С., Ососкова Н.М. Меонтология человеческой конечности. Прологомены к проекту философской танатологии // Философия и миф сегодня. Саратов, 1998.

³ В.И. Аршинов, М. Лайтман и Я.И. Свирский предлагают говорить о трансцендентальном параметре порядка. Физик Д.Бом – о «свернутом порядке» или уровне «целостности» универсума (см.: Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И. Сфирот познания. М., 2007. С.112; Bohm D. Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm 1985 by David Bohm and Emissary Foundation International // Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Д. Бомом // <http://spintongues.msk.ru/bohm/bohm.htm> (просмотр от 15.06.2008).

⁴ Бейтсон Гр. Форма, вещество и различие // Бейтсон Гр. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С.417. Пример того, как «ничто» может быть причиной: отсутствие письма об оплате электричества может быть причиной отключения электроэнергии.